

РЕЧЬ НА ОТКРЫТИИ ТРЕТЬЕГО ВСЕРОССИЙСКОГО КОНГРЕССА ПОЛИТОЛОГОВ «ВЫБОРЫ В РОССИИ И РОССИЙСКИЙ ВЫБОР»

Москва, 28 апреля 2003 г.

Федор Михайлович Бурлацкий — доктор философских наук, профессор, председатель Научного совета по проблемам политологии РАН

Уважаемые члены Президиума, уважаемые участники Третьего Всероссийского конгресса политологов.

Позвольте мне от всей души приветствовать всех участников нашего Конгресса и выразить надежду, нет, скорее твёрдое убеждение, что он послужит превосходной площадкой для обмена мнениями по центральной проблеме, которая не без остроумной интриги заявлена в его повестке — выборы в России и Российский Выбор, а также по другим актуальным проблемам современности.

1. Заглянув в программу конгресса, вы можете легко убедиться, что ему не было аналога в истории нашей науки — ни по составу лиц, ни по характеру тем, выдвинутых для обсуждения, ни, я бы сказал, по профессиональной лексике, которая проводит чёткую грань между исследованиями политики и самой политикой. Уже Аристотель в своей книге «Политика», а вслед за ним многие мыслители, включая незабвенного Никколо Макиавелли, пытались объяснить практикующим политикам, что есть нечто такое, что они не знают

или знают не твёрдо, но должны бы знать. Это неизменно вызывало взрывы негодования. И до сих пор наши политики с большой неохотой обращаются к науке.

2. Нельзя не признать, что дело, за которое боролись, теперь уже три поколения энтузиастов политического знания, торжествует. Здесь в зале собралось шестьсот участников со всех концов нашей страны и из некоторых государств СНГ. И, примерно, столько же не сумело приехать на конгресс. А я вспоминаю первое заседание, которое проходило почти сорок лет назад в зале Института Государства и Права, где собралось, примерно, десять человек после публикации моей статьи о «Политической Науке» в «Правде».

Иных уж нет, а те далече. Я просил бы почтить вставанием память первого президента Ассоциации политической науки Георгия Шахназарова, моего близкого и любимого друга, как друга и многих из здесь присутствующих.

Наш конгресс даёт представление о достигнутом уровне развития политологии.

3. Политология прошла нелёгкий путь. Конечно, не такой, как генетика — время уже было другое. Тем не менее, разогнали институт, закрывали сектор, запрещали многим из нас публиковать свои статьи в широкой прессе, исключали из партии. Но уже более десяти лет назад, на кафедре Института общественных наук стали присуждать учёные степени кандидата и доктора политических наук. А в этом году произошло знаменательное событие: политология впервые признана Российской Академией Наук как самостоятельное направление. И я хотел бы здесь выразить нашу признательность вице-президенту РАН Некипелову Александру Дмитриевичу за его содействие этому решению, и конечно, всему руководству Президиума Академии. Это важный рубеж и он возлагает дополнительную ответственность на нашу науку, которая и так уже несёт нелёгкое бремя ответственности за советы, которые она даёт практической политике.

4. Я уже упомянул о трёх поколениях учёных в области политической науки. Замечу, кстати, что не вижу каких-либо различий, которые обнаруживают те, кто пытаются противопоставить политическую науку и политологию. На Западе, как известно, *political science* и *politology* — синонимы. У нас этому различию пытаются придать некий сакраментальный смысл. Как будто первое

поколение уже замшелых стариков, плохо знакомое с мировым опытом, утверждало политическую науку, а новое поколение в период невиданного расцвета нашей демократии учреждает политологию как подлинное знание. Я искренне восхищаюсь многими современными исследователями и мог бы назвать не меньше десятка ярких имён, которые появились в последние пятнадцать лет. Но я не могу не напомнить ожесточённый конфликт между молодыми и старыми актёрами в безмерно любимой мной пьесе «Гамлет» и слова, сказанные принцем: «Когда-то и эти молодые тоже состарятся и, в свою очередь, могут стать жертвами новых мальчигов». Кроме того, не следует забывать, что в любом деле самое трудное — начало.

5. Я был бы слишком самонадеян, если бы попытался в краткой речи дать обзор тех достижений, которые имеет политология, особенно за последние годы. Уже один тот факт, что издано много десятков учебников по нашей дисциплине, говорит сам за себя. Преподаватели политологии составляют самую востребованную группу специалистов в этой области. У меня нет под рукой цифр, сколько факультетов и кафедр политологии имеется в различных высших учебных заведениях, но число их значительно, хотя оно во много раз уступает, например, Соединённым Штатам, где наша наука стала основным воспитателем политической культуры. Но по контрасту с Западом, — хотя, конечно, Запад нам не указ — наша политическая элита, включая депутатов на всех уровнях, губернаторов и других администраторов, к сожалению, как правило, не имеет ни юридического, ни политологического образования. Те крохи профессиональных знаний, которые им пытаются вложить в головы после избрания, не могут заменить фундаментального образования. Мне кажется, что это одна из проблем, которая должна привлекать внимание высшей власти. Но, так или иначе, работа по просвещению элиты и народа в условиях, когда страна делает только первые робкие и противоречивые шаги к демократии, остаётся важнейшей задачей и преподавателей и исследователей.

6. За период после последнего конгресса изданы десятки крупных работ по теории политики, истории политической мысли, методологии исследований, а в большей степени по конкретным политическим проблемам международных отношений.

Наш конгресс даёт представление о достигнутом уровне развития политологии. Возникли десятки центров политических исследований, тесно связанные с институтами власти. Мне думается, что не следует противопоставлять академическую и внеакадемическую науку. Хотя определённые различия в подходах, конечно, имеются. Но признаем, что слабым местом всех или большинства исследований остаётся как раз тема, которая составила основной предмет обсуждения нашего конгресса. Именно — Российский выбор. И дело, конечно, не в том, чтобы бесконечно повторять вопросы, поставшие нам в наследство еще от прежних веков: куда идет Россия, какова идентичность россиян, и, наконец, самое безысходное — в какую черную дыру провалилась наша национальная идея и каким способом можно ее извлечь наружу?

Мне кажется, что не стоит думать за следующие поколения, они сами будут решать свои вопросы и свою судьбу; тем более, что нынешняя молодежь, а я тоже преподаю, резко отличается в

лучшую сторону своей внутренней свободой, независимостью, раскованностью и четкими жизненными целями. Поэтому нам хорошо бы находить ответы и решения действительно назревших и неотложных задач развития страны. И в этой связи я хотел бы очень кратко затронуть две проблемы, как мне кажется, самые острые сегодня.

Первая — о нашей политической системе. Многие из вас, наверное, знают, что на разных этапах моей неровной биографии, которая шла то вверх, то вниз, как у всякого человека, который пытался говорить правду и что-то сделать, мне приходилось участвовать в разработке и обсуждении идей перехода от тоталитарного к демократическому государству. Еще при Хрущеве, мы — советники-политологи — поставили вопрос об отмене диктатуры пролетариата и переходе к общенародному государству. Кстати, Хрущёв был единственный в Политбюро, да ещё Куусинен, которые поддержали эту идею.

Затем, в ранний горбачёвский период мы выдвинули идею учреждения смешанной президентско-парламентской республики, близкой к Французской модели, всенародного избрания президента, вице-президента, парламента, учреждения конституционного суда, принятия декларации прав человека и гражданина, действительного разделения властей. В Конституции России, принятой при Ельцине, была принята форма, которая отличается и от французской, и от американской модели. Президент сосредотачивает в своих руках основные рычаги власти, но, в отличие от США, не несёт ответственности за деятельность правительства, которое может в любое время сменить. Теперь, десять лет спустя, мы видим результаты. Первое — это крайне низкая эффективность государственного управления, второе — это человеческий фактор, то есть система стала лучше, а люди почему-то хуже — и с профессиональной, и с нравственной точек зрения. И третье, самое тяжёлое — коррупция.

На днях в этом же здании меня пригласили выступить на конференции, посвящённой коррупции. Я обозначил свой доклад несколько вызывающим образом: «Коррупция как сущность демократического государства в России». Конечно, это одна из сущностных характеристик, но в настоящее время — самая существующая и самая опасная. Проблема эта общеизвестна. Но, практически, ничего или почти ничего, не делается для её решения. Начиная от рядового милиционера и кончая правительственными чиновниками, аппарат, к тому же плохо оплачиваемый, рассматривает в качестве данников всё население и особенно бизнес. В сущности, полностью восстановлен древнерусский принцип, когда чиновников направляли на кормление. И, практически, никакой борьбы с этим не ведётся, как и с криминалом в целом. Это стало элементом самой системы, кстати, вполне удобным состоятельным людям.

Россия шаг за шагом ступить не сможет вперёд, если не займётся всерьёз аппаратом управления и не поставит его на службу делу и людям.

Вторая проблема — не менее острая на данный момент — о роли России в современном мире. Чем дальше, тем яснее, что Беловежская пушта стала историческим рубежом для России. В некотором смысле даже более значимым, чем Октябрьская революция. В Пушке было разрушено могущество

великого государства и, как теперь становится очевидным, заложена мина, которая изменила весь мировой порядок.

Ещё Гуго Гроций, Иммануил Кант, Макиавелли утверждали, что гарантией мира и предотвращения войны является баланс и равновесие сил. Разрушение второй супердержавы развязало руки Соединённым Штатам. Войны в Афганистане и Ираке могут быть названы не только войнами «одиннадцатого сентября», когда потрясённая Америка впервые в своей истории действительно испытала удары на своей территории. Одновременно эти войны могут быть названы и войнами Беловежской пуши. Америка получила возможность, фактически, взяв на себя некоторые функции мирового правительства. Она решает вопросы о превентивных войнах против диктаторских террористических режимов, не спрашивая совета ни у России, ни у Западной Европы, ни у Китая, ни у Организации Объединённых Наций.

Какова должна быть позиция России? Мы сохранили ядерный потенциал и располагаем гигантскими сырьевыми ресурсами. Но в целом наша

экономика в ничтожестве и пока не видно никаких перспектив, какого-то русского чуда, наподобие китайского. И, главное — упадок духа, воли, нравственных сил нации. Я и не буду пытаться в своём, прошу прощения, возможно не слишком кратком вступительном слове, дать ответы на эти острейшие проблемы. Замечу только, что вероятно, заметили все: в период войны в Ираке — мы так и не нашли своего места и проводили некую вихляющую линию, которая бумерангом ударила по нашим экономическим и иным интересам. Я подготовил небольшую серию статей для одной из газет, в которой попытаюсь высказать своё мнение по этой проблеме.

Я, кажется и так, в своём увлечении злоупотребил правом первой ночи, поэтому, идя на посадку, хочу пожелать всем вам хорошего состояния души на эти два дня, раскованных и нескудных дискуссий, полезного личного общения и глубокого чувства удовлетворения от того факта, что дело, за которое боролись политологи почти полвека в нашей стране, торжествует.

Спасибо за внимание.

ФИЛОСОФИЯ ЛИЦОМ К МИРОВЫМ ПРОБЛЕМАМ (ФРАГМЕНТЫ РЕЧИ НА ОТКРЫТИИ XXI ВСЕМИРНОГО ФИЛОСОФСКОГО КОНГРЕССА. Стамбул, 10 августа 2003 г.)

И. Кучуради
(Турция)

Кучуради Иоанна — доктор философии, профессор, Президент Философского общества Турции

На снимке: И. Кучуради и А.Н. Чумаков, вице-президент Российского философского общества.

Среди мировых проблем, стоящих на повестке дня перед мировым сообществом, ведущее место занимает «Глобализация и культурная идентификация», являющаяся темой 2-ой пленарной сессии нашего Конгресса. Сейчас я попытаюсь дать вам картину того, как видоизменяются мировые проблемы упомянутой выше тематики.

Позвольте вначале ознакомить вас с описанием ситуации в мире в связи с глобализацией, сделанным Генеральным Секретарем ООН Коффи Аннано в документе ООН, подготовленном в 2000 году и озаглавленном «Мы — люди».

«Мы видим, насколько глубоко произошедшие со дня основания Организации Объединённых Наций изменения. Мировой экспорт увеличился десятикратно с 1950 года, даже с учетом инфляции, растущей, несмотря на все воздействия, быс-

трее, чем годовой мировой доход. Иностранные вклады возрастают, объёмы продаж транснациональных компаний превышают уровень мирового экспорта, взаимодействия внутри дочерних корпораций быстро увеличивают сегмент мировой торговли. Международные биржи переживают скачки от 1,5 млн. \$ до 15 млрд. \$ в 1973 году, когда режим фиксированной биржевой ставки был разрушен. Рыночная стоимость одной фирмы, объединяющей несколько современных транснациональных телекоммуникационных корпораций, превышает годовой доход половины членов ООН, однако такое объединение занимает лишь четвертое место в мировой классификации наиболее дорогостоящих компаний. Сегодня делегаты Генеральной Ассамблеи (главы государств и правительств) пересекают Атлантику менее чем за 4 часа и при этом управляют событиями в стране посредством Интернета и телефонной связи. Мировая глобализация — новый контекст и новый тип связи, в котором приходится действовать участникам мирового экономического процесса.

Глобализация свободного рынка, основанного на приватизации национальной собственности и телекоммуникациях, у одних вызывает протест, а другими только приветствуется.

Несомненно, очень многое в мире может быть глобализовано — вплоть до прав человека. Однако, то, что глобализуется сейчас — это рынок и передача информации, а в результате — наводнение мира продукцией второго и третьего сорта и распространение фальшивой информации, обслуж-